

Елена
Арсеньева

ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

Русские
куртизанки

Елена Арсеньева
Русские куртизанки

«Автор»

2009

Арсеньева Е. А.

Русские куртизанки / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2009

ISBN 978-5-699-30099-0

Светские дамы сомнительного поведения... Одни из них были влюблены в сам процесс соблазнения и заняты поиском телесных наслаждений. Вторые делали через постель карьеру, совмещая приятное с полезным. Третьи искали в многочисленных связях с мужчинами мистический смысл. Так или иначе, но равных им не было. Они заставляли трепетать мужские сердца и пускались в самые рискованные любовные авантюры. О страстях, взлетах и падениях наперсницы императрицы Екатерины II Прасковьи Брюс, балерины Авдотьи Истоминой, подруги поэтов и писателей Нины Петровской читайте в исторических новеллах блистательной Елены Арсеньвой.

ISBN 978-5-699-30099-0

© Арсеньева Е. А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

От автора	5
Путеводная звезда, или Куртизанка по долгу службы	7
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Арсеньева

Русские куртизанки

От автора

Для начала, конечно, следует договориться о терминах. Куртизанки, гетеры, диктериады, авлетриды, камелии... Какие красивые слова, но всем им в русском языке соответствует одно общее понятие. То есть слов много, но выберем самое благозвучное – блудница. Что это такое, объяснять не надо. Женщина, которая... Ломброзо, этот великий знаток человеческой маргинальной природы, уверял: «Честная женщина предпочтет скорее умереть, чем сделаться проституткой, но точно с таким же правом можно сказать, что слабая женщина, впадшая благодаря нищете в разврат, осталась бы честной, если бы обстоятельства ее жизни сложились для нее иначе и она могла бы жить, ни в чем не нуждаясь». Однако он не отрицал существования своего рода *moral insanity* – нравственного помешательства, которое приводило женщин к торговле своими прелестями. Конечно, с этим можно соглашаться или нет, но человек в золотую пору своего «детства» брал пример исключительно с богов и богинь древности, а они ведь, надо отдать им справедливость, не отличались целомудрием и мало чего стеснялись, снисходя к смертным и возвышая их до себя. Почему же человеку, созданному по образу их и подобию, не следовать божественным примерам?

Женщина, жаждавшая сбросить с себя тяжелые оковы мужского рабства, воспользовалась для осуществления своей заветной мечты тем, чем так щедро наделила ее природа, – красотой. Она инстинктивно поняла, что если всемогущие боги дали каждому существу средства для его защиты, они должны быть и у нее, стоит их только найти. Вооруженная этим оружием, женщина смело пошла вперед – к свободе, сначала телесной. А затем и духовной. Ну и гетеры и К^о оказались тут впереди всей эмансипации. Гетеры были образованнейшими женщинами своего времени, прославившимися – одни умом и остроумием, другие – красотой, служили моделями знаменитым ваятелям, очаровывали собеседников поэтическим вдохновением. Красоткам предоставлялось первое место в собраниях, с их мнением считались. Когда они появлялись на Олимпийских играх, их шумно приветствовали, их красноречие ободряло состязавшихся, их ободрение делало триумф более торжественным. Они распространяли увлечение высшими науками, которые Греция без них никогда бы не узнала (ведь народы, как и дети, первые жизненные уроки получают от женщин). Первые политические «салоны» были основаны ими. Там группировались лучшие люди эпохи и под обаянием очаровательных женщин разрешались вопросы огромной государственной важности. Гетеры иногда держали в своих руках судьбы великих народов! Демосфен пояснял: «Мы имеем гетер для духовного наслаждения, куртизанок для чувственного, а законных жен – для поддержки нашего рода, имени, сохранения имущества».

Кстати, особой идеализации гетер и куртизанок были подвержены не все мужчины. Анаксил в одной из своих комедий сокрушался: «Из всех хищных зверей самый опасный – гетера».

История России не сохранила нам имен блудниц древности, русских Аспазии, Фрины или Таис, из-за которой Александр Македонский спалил Персеполис... Может, и хорошо, что не сохранила! Таков уж наш российский менталитет, что находить утешение в беседах с женщинами мужчинам и в голову не взбрело. Они вполне следовали завету Плутарха о том, что имя честной жены вместе с ней должно быть заключено в стены дома (хоть, конечно, о Плутархе очень многие из них и не слыхивали никогда). И все же рано или поздно приходили к его

же печальному выводу: «Жить с честной женщиной одновременно как с супругой и гетерой – невозможно!»

Поэтому из тьмы и света российской истории все же неясно проступают силуэты некоторых дам... Мы попытаемся взглянуть в их прелестные личики на страницах этой книги. Конечно, мы не станем заикливаться на тех рекордсменках, которые вели себя, как куртизанка Феодора: за одну ночь побывав в объятиях десяти молодых византийцев, она отдалась в ту же ночь тридцати их рабам. Прежде всего потому, что русская история тщательно вымарывала со своих страниц упоминания столь изощренных особ. Наши героини скромнее...

Но на минуточку вспомним еще Древний мир, Древний Рим. Как правило, римские куртизанки собирались около храма *Venus Cloacinae*, Венеры Клоаки. И каждая из них имела определенное профессиональное наименование, скажем, *alicariae* – торговали собой там, где работали булочники. *Bustuaiae* – около могил. *Taverniae* – в трактирах и гостиницах. *Famosae* – это были матери семейств, патрицианки. *Noctuvigilis* – ночные блудницы. *Peosedae* ждали клиентов, сидя где-нибудь. *Scorta devia* – находились у себя дома. *Bonae maretrices* были гетеры высшего класса, которые сами устанавливали для себя распорядок и правила игры. Переходя на язык древности, мы обратимся к русским *Famosae*, *Scorta devia* и *Bonae maretrices*. У нас они назывались светские львицы, подружки поэтов, дамы сомнительного поведения... Ну что ж, опять прав Ломброзо, сказавший: «Было бы наивно думать, что настоящие блудницы живут только в публичных домах». И вообще, безнравственность – понятие субъективное. Можно быть куртизанкой по профессии, а можно – по натуре!

Под занавес еще две цитаты касаются интересующей нас проблемы. Первая – от автора «*Malleus maleficarum*», «Молота ведьм»:

«Женщины более порочны, чем мужчины. Из трех главных пороков: поверхностности, честолюбия и развращенности на один указывает самое название ее: *femina*, то есть *fide minor*, где *fide* – совесть, *minor* – сведенная до минимума».

Вторая – от Нинон де Ланкло, которая проблему знала не из вторых рук, поскольку сама была знаменитой куртизанкой. Она сказала, как отрезала: «Любовник – всего лишь каприз тела женщины!»

Похоже, что так...

Путеводная звезда, или Куртизанка по долгу службы (Прасковья Брюс)

– Премилый мальчонка, премилый. Это я тебе, Като, точно говорю, как перед Господом Богом клянусь. Ты не ошиблась, Като, нет, ты не ошиблась, у тебя воистину глаз-алмаз, все насквозь, даже через лосины видит.

– Ну, даже через лосины в размере-то ошибиться мудрено... но не токмо ж в одном размере дело! А вот скажи, любезен ли он? Чист ли? Затеилив ли?

– Любезен, говорю же: премилый мальчонка. Ласковенький! И чистехонек, беленький, нежненький, так и съела бы! А что до затейливости... покуда более старателен, нежели затейлив. Но переимчив, толк с него будет при должной науке. Я ему для начала кой-чего показала... так, пустячки пустяковенькие... и скажу тебе, с большой охотой перенял. Перенял, и повторил, и так в раж вошел... удержу потом не было!

– Да? Ты так вкусно рассказываешь, что мне и самой охота до смерти попробовать. А что, смотрел ли его Роджерсон? И каково нашел? Здоров ли?

– Ну, Като, неужто ж я ему далась бы, коли Роджерсон не засвидетельствовал бы телесное здравие и не дал твердого зарока, что никаких дурных хворостей за нашим красавчиком не водится?

– А подлинно красив, верно? Глаза... какие глаза! Колдовские очи! Поглядит – словно туман черный тебя так и покроеет, голову одурманит. Волосы, ах, эти кудри черные... Сложение – словно у античного бога, профиль греческий, губы твердо высечены, чело беломраморное...

– Не токмо чело, но и тело у него вполне беломраморное. Хорош, по всем статьям хорош мальчонка! Не пожалеешь, коли приблизишь его. Яблочко сладенькое, румяное, ах...

– Ты, Прасковья, больно уж нахваливаешь его. Вот-вот слюнки потекут! Не влюбилась ли?!

– В такого влюбиться немудрено. Но ты же знаешь, Като, я на службе – ни-ни! Да и что проку влюбляться-то? Что я против тебя? Разве я тебе соперница? Ты ж ко мне не ревнуешь? И правильно! Кабы не я, разве был бы у тебя Гришка, этот подлец? Кто его первой распробовал? Я! Помнишь, он волочил за Еленой Куракиной, любовницей Петра Иваныча Шувалова, да заодно, павиан беспутный, меня искушал? И как искушал! То груди все исщиплет, так что косыночкой декольте прикрывать приходится, то схватит в укромном уголке, зажмет – и ну целовать! Таких засосов на шее понаставит, что никакими ожерельями не прикроешь! Только бодягой и спасалась, этой бодяги у меня горничные девки чуть не бочками запасали! То поцелуев ему мало: прямо за шторкой где-нибудь поставит раком, юбки на голову забросит – и ну нажаривать! Аж ноги подгибались!

– Ты *мне* рассказываешь, как нажаривал Григорий? Мне? Да кто ж лучше моего знал об этом?

– Твоя правда, Като, а все же приятно вспомнить, что не кто иная, как я, обратила твое внимание на сего Геркулеса... Да что Орлов! Он далекое прошлое! А светлейший, милый друг наш? Помнишь ли, крепость сия никак не желала сдаваться? Я колеса кареты до ободьев разбивала, туда-сюда вокруг его жилища езживая! Чуть почуяла малую брешь в обороне противника – и туда! А потом, расширив сию брешь до размеров триумфальной арки, и тебя, государыня, туда провела. Пала сия крепость пред тобой, сдалась она без боя! Я и теперь для тебя радею, какая может быть любовь?! Нет смысла ревновать!

– Да не ревную я, нет, успокойся. Знаю – ты меня не обманешь! А скажи еще, чем хорош наш царь Эпирский?

– Это кто ж таков?!

– Новое прозвание будет для нашего сердешного друга. Он бел, как эфирский мрамор, а красота его достойна престола. Значит, будет царь Эфирский!

– Мудрено больно, да ладно, Като, как скажешь. Царь так царь, Эфирский так Эфирский. Эка лиса наша хитра оказалась, прямиком из своей норы – да в царские палаты!..

Так судачили меж собой неким декабрьским вечером 1777 года две высокопоставленные дамы, близкие подруги. Одна из них звалась Екатериной Алексеевной, вторая – Прасковьей Александровной. Знакомы меж собой они были уже много лет, чуть ли не тридцать, поскольку обе уже оставили далеко позади свою первую молодость. Встретились подруги, когда Екатерина Алексеевна покинула родительский приют и переселилась в дом к своему будущему супругу. Правильнее, впрочем, будет сказать не в дом, а во дворец, потому что супругом этим должен был стать не кто иной, как наследник русского престола цесаревич Петр Федорович, ну а его невестой была – юная герцогиня Софья-Августа-Фредерика Ангальт-Цербтская, будущая государыня, спешно перекрещенная в православие, переименованная Екатериной и окруженная многочисленными русскими фрейлинами, назначенными для того, чтобы скромненькая герцогиня-бесприданница как можно скорей привыкла к своему новому положению и среди роскоши и веселья русского двора изгнала из памяти всякое воспоминание об унылом дворе своего папеньки.

Прасковья Румянцева оказалась самой что ни на есть подходящей компаньонкой для принцессы. Во-первых, они были ровесницы, а во-вторых, внешностью и нравом напоминали друг дружку, словно девушка, подошедшая к зеркалу, и ее отражение. Обе русоволосые, с яркими голубыми глазами, с изящными фигурами, обещавшими вскоре сделаться роскошными и прельстительными, они превыше всего ставили собственное удовольствие, обожали всяческие авантюры и были на редкость сластолюбивы. Но все же в Екатерине ум если не преобладал над чувственностью, то мирно уживался с нею, а вот Прасковье, когда речь заходила о мужчинах, ум отшибало начисто, она думала не головой и даже не сердцем, а тем премилым местечком, которое находится у женщины сами знаете где и создано Творцом для того, чтобы низвергать в бездны адские и возносить в выси райские тех мужчин, которым удастся протопить туда дорожку.

Следует сказать, что на дорожке к Прасковьиному потайному садику никогда не тянулось навтыжку суровых часовых, шлагбаум был всегда поднят, более того, можно сказать, что над входом в сей садик висел красочный транспарант с надписью: «Добро пожаловать, господа!»

Прасковья Румянцева происходила из старинной русской семьи, щедро приправленной изысканной иноземной кровью, поэтому императрица Елизавета, которая весьма придирчиво подбирала фрейлин для будущей цесаревны, просто не могла не остановить на ней своего выбора. Хотя бы потому, что родословная Прасковьи Александровны Румянцевой выглядела куда более внушительно, чем у самой императрицы Елизаветы Петровны, а государыня умела ценить фамильную древность.

Прасковья Румянцева приходилась сестрой графу Петру Александровичу Румянцеву (впоследствии получившему прозвание Задунайского и титул фельдмаршала), отцом которого, как втихомолку уверяли, некогда сделался сам Петр Великий. По материнской линии Прасковья происходила из семьи Андрея Артамоновича Матвеева, видного дипломата петровского времени, сенатора и президента Юстиц-коллегии. Супругой Андрея Артамоновича была княжна Марфа Федоровна Барятинская из рода Рюриковичей, некогда восседавших на российском престоле и сошедших с него после смерти царя Федора Иоанновича, малоумного сына Ивана Грозного.

Прабабкой Прасковьи Александровны была светлейшая княжна Евдокия Григорьевна Гамильтон, находившаяся в дальнем родстве с королевским домом Стюартов в Англии и династией Капетингов во Франции. Ежели бы мы взялись сейчас проследить эту связь в глубь

веков, то обнаружили бы, что Прасковья Румянцева была в прямом родстве с Анной Ярославной, королевой Французской, а через нее и с равноапостольными святыми: великой княгиней Ольгой и великим князем Владимиром... но мы не станем тратить время на разгребание слежавшейся пыли веков, скажем только, что буйная кровь святого грешника князя Владимира в Прасковье явно сказывалась... А теперь обратимся к временам более близким – 50-м годам XVIII столетия, когда хорошенькая фрейлина Парашенька Румянцева подружилась с хорошенькой принцесской Фике, пардон, великой княгиней Екатериной Алексеевной, и вскоре сделалась ее ближайшей confidentкой.

Хоть умные люди уверяют, что дружба двух красавиц редко бывает безоблачна, но все же злые языки судачили, будто дружба этих двух барышень оказалась слишком уж нежна и близка для невинной девичьей дружбы... однако эти слухи доносятся из времен позднейших, уже более извращенных, а при русском, довольно-таки патриархальном, еще не вполне оевропеившемся дворе Елизаветы Петровны слабо верили в возможность лесбийских забав. Правда, в бытность императрицею Анны Иоанновны что-то такое судачили насчет ее воспитанницы и будущей императрицы Анны Леопольдовны и ее любимой фрейлины-подруги Юлианы Менгден... Но Бог с ними, с Аннами, Юлианами и лесбийскими забавами, одно в связи с этим можно сказать: если даже Екатерина и поиграла немножко в запретные игры с Прасковьей, никакого ущерба сексуальной ориентации, как мы теперь выразились бы, обеих молодых красоток это не нанесло: что та, что другая более всего в жизни ценили общество мужчин и стремились к самому тесному общению с этими самыми мужчинами.

Когда у Екатерины, заброшенной и не любимой мужем, будущим императором Петром Федоровичем, от тоски и скуки сделался роман с красавцем Андреем Чернышовым (забегая вперед, следует сказать, что все ее любовники были красавцами, а оттого это неперменное словечко можно и опустить, не то оно слишком часто и даже назойливо будет повторяться в нашем повествовании!)... когда у Екатерины, стало быть, сделался роман с этим очень-очень симпатичным камер-лакеем (к слову сказать, дворянином и прапорщиком – так что классовое чутье у Екатерины не притупилось, нет!), она некоторое время боялась дойти в отношениях с ним до последней крайности. Нет спора, мелкие немецкие дворы трудно было назвать образцами нравственности, да и двор Елизаветы Петровны даже слепоглухонемому нравственным не показался бы, но у Екатерины долгое время сохранялись иллюзии относительно своей семейной жизни. И отважилась она на «падение» лишь после того, как окончательно уверилась: ее законный супруг предпочтет ей самую последнюю уродину императорского двора, и чем уродливей, тем еще и лучше! А Екатерине так хотелось изведать сладости любовных объятий... В том, что объятия Андрея всенепременно будут сладостны, убедил ее именно Прасковья Румянцева, которая, выражаясь языком библейским, «виноградника своего не сберегла» уже давно, причем Андрей был для этой семнадцатилетней бледешки (ну давайте же хоть иногда будем называть вещи своими именами, а то всё куртизанки да куртизанки, гетеры да гетеры, тьфу, прости, Господи!) отнюдь не первым.

Итак, сообщив Екатерине самые достоверные и любопытные сведения о Чернышове, Прасковья вскоре удостоилась чести оберегать тайные свидания своей госпожи, и делала она это очень хорошо: никто и не подозревал о свершившейся «государственной измене»! Однако случилось так, что Прасковья заболела, и сторожевые обязанности исполнять стало некому. Печальное следствие сего не замедлило сказаться: камергер Петра Федоровича, граф Девиер, застал любовников в спальне Екатерины в самой недвусмысленной позе, о чем было незамедлительно доложено императрице.

Грянула гроза: Андрей и его братья, тоже служившие у цесаревича Петра, были арестованы, просидели два года в заключении, а потом отправлены на службу в отдаленные полки. Андрей, к примеру, загремел аж в Оренбург, в степь глухую! Заодно с Чернышовыми получила отставку и фрейлина Марья Симоновна Чоглокова, нарочно приставленная следить за нрав-

ственностью будущей императрицы: держать и не пушать! Чоглокова была с Екатериной более чем строга... но вот надо же, такая оплошка вышла!

Прасковья же Румянцева, выздоровев, оказалась чиста и невинна перед государыней и будущим императором. Ведь при допросах Екатерина, ее любовник и прочие вольные и невольные соучастники этой истории держались стойко, отводили глаза, прятали концы в воду, молчали мертво о времени, когда связь началась, – и, таким образом, Прасковья оказалась как бы ни при чем, вышла сухой из воды и вновь воротилась на свое место – к Екатерине Алексеевне, которую она уже тогда начала называть запросто – Като. Вернее, не сама начала, конечно, а получила на это высочайшее дозволение.

Хоть острастка, полученная Екатериной, была сурова, она вовсе не заставила ее распротиться с жадой телесных удовольствий. Тем паче что императрица жаждала прибавления семейства цесаревича, а при тех отношениях, которые сложились между молодыми супругами, этого можно было ждать до морковкина заговенья. Елизавета в строгой тайне призвала перед свои ясные очи двух молодых и удалых господ – сексуального Сергея Салтыкова и шута городского, милашку-обаяшку Льва Нарышкина – и без околичностей объяснила, какая пред ними стоит важная государственная задача. Приятелям самим предстояло решить, кто станет premier amant, первым любовником, у великой княгини.

Конечно, чувство юмора у Екатерины было отменное, однако она предпочитала в постели уж лучше Вольтера или Монтескье читать, чем хохотать, а потому победу легко одержал Сергей Салтыков. Левушка Нарышкин (ну никак невозможно было его называть иначе!) умылся слезами, не стерев при этом улыбки со своей симпатичной физиономии – словно чувствовал, плутишка этакий, что когда-нибудь и его черед настанет! – и посторонился, оставшись верным другом как Салтыкова, так и Екатерины, а тем временем близко, ближе некуда, подружившись с Прасковьей, которая Салтыкова тихо недолюбливала и только и ждала, когда он провалится.

Вот уж кто обрадовался, когда завершился сей роман Екатерины, так это Прасковья! Конечно, Салтыков был хорош собой и сослужил службу Русскому государству немалую, даровав (очень вероятно, правда, генетической процедуры за давностью лет провести уж невозможно, а жаль!) русскому престолу наследного царевича Павла Петровича, однако человек он был легкомысленный и исчислял свою доблесть количеством одержанных над дамами побед.

Ну что ж, Прасковья очень жалела подругу, которая сокрушалась сердцем из-за такого откровенного изменника. Фрейлина Румянцева проследила, где Сереженька обычно назначает свидания графине Марье Измайловой, одной из дам своего широкого и глубокого, очень приемистого сердца, – и, словно невзначай, провела туда Екатерину прогуляться. Подруги оказались рядом как раз вовремя, чтобы расслышать сладострастные рулады любовников и увидеть полный набор услуг, которые Салтыков оказывал хорошенькой фрейлине.

Прасковья облизнулась – нет-нет, Салтыков был категорически не в ее вкусе, но она просто органически не могла не возгореться желанием при виде столь отменной боевой оснастки! – и с любопытством уставилась на великую княгиню. Ей давненько хотелось узнать, ревнива ли будущая императрица, жестокосердна ли, мстительна ли. То есть кое-что о характере Екатерины Прасковья уже знала, но еще не все точки над *i* были расставлены.

Что и говорить, чело Екатерины омрачилось. Она вздохнула, губы искривились, и Прасковья замерла, ожидая услышать или горестные стенания (значит, слаба сердцем будущая государыня, горько же ей в жизни придется!), или гневный вопль (значит, жестока, и, стало быть, горько придется тем, кто рядом с ней), однако по губам Екатерины пробежала только печальная усмешка, а потом Като сказала, взяв подругу под руку:

– Скушно мне, Прасковья. Развлеки меня!

Именно в то мгновение, признавалась позднее Прасковья Александровна, она и поняла, сколь сильную личность видит перед собой, именно тогда прониклась к Екатерине горячей преданностью и дала слово никогда, ни в чем, ни за что ей не изменить.

Ну что ж, будущее проверит, сколь прочно держала Прасковья это слово... но не станем забегать вперед!

– Развлекь тебя, Като? – расцвела Прасковья в улыбке. – Да изволь! Нынче же вечером, коли велишь!

Нынче же вечером из спальни великой княгини тайно выскользнули две фигуры – в мужских костюмах, однако слишком узкоплечие и широкобедрые для того, чтобы принадлежать мужчинам, – и прокрались через сад к тайной калиточке, возле которой их ожидала невзрачная карета.

Кучер фамильярно приподнял шляпу:

– Наше вам, дорогие дамы! Извольте садиться, домчу с ветерком!

Если бы в сей миг рядом случился человек, знакомый с придворным кругом, он непременно сказал бы, что голос сей принадлежит Льву Нарышкину... а впрочем, поскольку лицо кучера было закрыто маской, а волосы – париком, ничего утверждать наверняка было невозможно. Кстати, лица седоков были тоже закрыты масками, поэтому оставалось загадкой, как и почему кучер назвал их дамами.

Однако Бог с ними, с загадками, проследуем дальше за каретою, которая промчалась по темным, сонным улицам Санкт-Петербурга и остановилась около дома гофмаршала Александра Александровича Нарышкина, кузена веселого Левушки. Александр Нарышкин был женат на Анне Никитичне, урожденной графине Румянцевой, близкой родственнице Прасковьи. В Санкт-Петербурге ходили слухи, что дом Нарышкина для гостей всегда открыт – впрочем, как и его супружеское ложе...

У Нарышкина частенько собирались сестры гофмаршала, Мария и Наталья, – две отъявленные искательницы любовных приключений. Они всегда приводили с собой какого-нибудь интересного молодого человека, который желал взять несколько уроков в галантном обращении с дамами на балу, в беседе или же в постели. Хорошенькие сестрички никому и никогда не отказывали, и, таким образом, чуть не весь молодой Петербург перебивал в числе их учеников.

Нынче здесь оказался граф Станислав Понятовский, недавно приехавший из Варшавы.

Кучер, снявши маску, и впрямь оказался Львом Нарышкиным, однако гости – вернее, гости – предпочли сохранить инкогнито и остались в масках. Любезная хозяйка называла их «дорогие иноземки», и, даже если у нее и возникли какие-то мысли о том, кто пожаловал нынче в ее гостеприимный дом, она держала эти мысли при себе.

Левушка веселился, называл Понятовского польским шпионом, обещался непременно донести государыне о его враждебной деятельности, а между тем «шпион» мало внимания обращал на его болтовню, потому что увлекся переглядками с одной из приезжих «иноземок».

Подали вина, начались совсем уж веселые и фривольные разговоры... как-то так получилось, что Понятовский и неизвестная гостья сначала сели рядышком, а потом прошли посмотреть, что за мебель стоит в соседней комнате, каковы мягки там кушетки да диваны...

Вторая дама проводила их завистливым взором, который не остался не замеченным хозяйкой.

– Что-то ты невесела, Прасковьюшка? – ласково промолвила Анна Никитична Нарышкина. – Неохота замуж, да?

– Ой, неохота, – тяжело вздохнула та, снимая маску и впрямь оказываясь не кем иной, как Прасковьей Румянцевой. – Жарко в личине, передохну. Налей мне вина, Аннушка, посоветуй, как быть. Сама знаешь, кого мне сватают.

– Слышала, слышала, – кивнула Анна Никитична. – Ну что ж, Брюсы – род хороший, у императрицы на добром счету, да и жених твой, Яков Александрович, богат, собой пригож, молод...

– Моложе меня! – поджала губы Прасковья. – На три года моложе! Мне двадцать два. Ему девятнадцать. Был бы хоть ровесник, а то мальчишка! Мне по нраву мужчины значительные, умудренные летами и опытом.

– Ничего, это пройдет! – засмеялась ее родственница. – Поверь мне, ты еще оценишь молодость и пылкость, настанет время, когда тебе не то что три – двадцать три года разницы покажутся сущим пустяком! А Брюс тебе в самый раз. Беда в том, что он простоват, мужиковат, умом не слишком крепок...

– Да разве ж это беда? – пожала плечами Прасковья. – Кто сказал, будто муж умен должен быть?! Небось дураком управлять проще. Пожалуй, ты права: пойду за Якова Александровича! Он ведь еще чем хорош? Вояка! То и дело в полку. Что может быть лучше супруга, которого дома днем с огнем не найдешь? Так и быть, скажу маменьке, согласна, мол. Потом быстренько рожу Брюсу сына или дочку – да и с плеч долой! Снова стану жить в свое удовольствие!

Сказано – сделано! Вскоре была сыграна свадьба Якова Брюса и Прасковьи Румянцевой. Великая княгиня Екатерина Алексеевна прислала дорогой подруге богатые подарки и сама почтила своим присутствием ее свадьбу, однако ж сильно по ее отсутствию во дворце не печалилась: после той достопамятной встречи начался ее бурный роман с обворожительным поляком Станиславом Понятовским, и этот роман на долгое время поглотил ее целиком и полностью, ну а во дворце их отношения сделались притчей во языцех.

Тем временем Прасковья, как и обещала, проворно родила дочку, которую – понятно, в честь кого, – назвала Екатериной (великая княгиня была восприемницей младенца и крестной матерью), и, поскорей передав ее на попечение мамок-нянек, вернулась к своим фрейлинским обязанностям, вновь прочно утвердись при великой княгине на положении ближайшей подруги и confidentки. Супруг, граф Брюс, не возражал, ибо вскоре после свадьбы, едва успев обрюхатить жену, отбыл в качестве волонтера на театр боевых действий – как раз началась война Франции с Пруссией, и вот во французской-то армии Яков Александрович пожелал служить. Оно конечно, тотчас после свадьбы очертя голову, добровольно кинуться напрямик в пасть кровавым псам Беллоны... воля ваша, как-то оно этак... неловко... наводит на некие размышления... Ну что же, пусть кто что хочет, тот то и думает, зато у Прасковьи теперь оказались вполне развязаны руки. Муж далеко, что хочу, то и ворочу! Она была теперь назначена статс-дамой малого двора и стала во главе целого штата молоденьких фрейлин, беззаветно преданных Екатерине, посвященных во множество ее тайн – вполне, впрочем, прозрачных... – однако готовых молчать о них даже под пытками. Что и говорить, Екатерина умела возбуждать в людях преданность к себе, а Прасковья умела, где лаской, где таской, преданность эту поддерживать и дисциплинировать. Сам великий князь Петр Федорович, большой поклонник строжайшей прусской муштры, не единожды говаривал: из графини, мол, Брюс вышел бы хороший полковник, – однако если он думал, что этим комплиментом сможет снискать расположение Прасковьи Александровны, то зря старался: забота об интересах Екатерины Алексеевны составляла весь смысл ее существования, и пеклась она об этих интересах со всем мыслимым и немыслимым старанием.

Как-то раз графиня Брюс сидела в беседке дворцового парка и наблюдала, как две фрейлины играли с маленькой болонкой. Внезапно она загадочно произнесла:

– Да! Болонки – это коварнейшие из созданий!

– Господь с вами, Прасковья Александровна! Что может быть коварного в этой миленькой собачонке? – удивилась одна из девушек.

– Вы, наверно, уже наслышаны о романе Екатерины Алексеевны с графом Станиславом-Августом Понятовским? – тихо спросила Прасковья.

– А то! Об этом весь двор говорит.

– Так вот, Екатерина Алексеевна и граф поначалу держали роман сей в глубочайшей тайне. А раскрыт он был самым невероятнейшим образом.

Девушки с любопытством уставились на нее. Прасковья продолжала:

– В тот злосчастный день Екатерине нездоровилось, и она решила принять гостей в своей комнате. В числе приглашенных было несколько иностранцев, в том числе швед, граф Горн. И когда он входил в комнату великой княгини, то маленькая болонка, принадлежащая Екатерине, принялась яростно лаять на него и на всех входивших. Вдруг появился Понятовский, и собачка бросилась к молодому графу с величайшей радостью и со всеми проявлениями нежности. «Друг мой, – сказал швед, отводя Понятовского в сторону, – нет ничего ужаснее болонки. Когда я любил какую-нибудь женщину, то первым делом дарил ей болонку, я через нее всегда узнавал, имею ли я счастливого соперника». Ну и как после всего этого надо относиться к таким коварным созданиям, как болонки? – расхохоталась Прасковья.

Ну что же, о романе Екатерины и Станислава уже можно было говорить совершенно спокойно, потому что страсть любовников изрядно поугасла, они начали скучать в объятиях друг друга, и проницательная Прасковья поняла, что очень скоро сердечко Като снова опустеет. Графиня Брюс была уверена, что как деревянная бочка рассыхается и ломается, не будучи заполнена жидкостью, так и женское сердце вполне может разорваться без любви. Опять же – у нежной Като был бешеный любовный темперамент, и Прасковья по опыту знала, как опасно заставлять этот жар пылать попусту. Нет, ну в самом деле, кому это нужно, чтобы будущая императрица Всероссийская гонялась по коридорам дворца за пригожими лакеями или преобразенцами, стоящими на страже? У такой женщины, как Като, должен быть любовник – страстный и неутомимый, с достойной оснасткой, красавец и, само собой, не дурак, чтобы умнице Като было с ним о чем поговорить... а уж поговорить-то, едва разомкнув объятия, великая княгиня обожала больше всего на свете. Ну разве что после чтения высокоученых книг и этих самых объятий.

Графиня Брюс принялась искать означенного любовника со всем своим старанием. В то время через ее постель прошло столько мужчин, что история даже не позаботилась сохранить их фамилии. Строго говоря, можно смело открывать списки служащих малого и большого двора и ставить крестики напротив каждой фамилии, отмечая славно потрудившихся на ниве самоотверженных стараний Прасковьи Александровны. Однако единственным добрым, что она из этого времени вынесла, было открытие, что больше забеременеть она не способна, а значит, может совершенно безопасно предаваться любовным утехам. Но ни единый из ее вновь обретенных любовников, как сочла Прасковья, не был достаточно хорош для великой княгини.

– Като, двор обезлюдел! – громогласно жаловалась она Екатерине. – Мужики совершенно испохабились! Сущие мизерабли, дотронуться противно! Право слово, скоро нам, женщинам, придется довольствоваться друг дружкой, дабы не оскорблять свой слух, зрение и осязание, а главное – обоняние!

Екатерина в ответ только вздыхала – Понятовский перестал ее волновать, а жить без сердечных волнений эта женщина не могла. Вспыхнувшее было влечение к Ивану Шувалову, фавориту императрицы Елизаветы Петровны, было именно вспышкой. О, слов нет, он был умен, и тонок, и в постели изобретателен, однако сильного, властного мужчину Екатерина в нем не чувствовала, а ей хотелось оказаться именно во власти любовника, а не господствовать над ним. Эта великая женщина вполне подтверждала прописную истину о том, что нет на свете сильной женщины, которая не мечтала бы быть слабой.

Мечты долго могли бы оставаться несбыточными, когда б неутомимая Прасковья не нашла для нее Григория Орлова.

Надо сказать, что еще до появления этого героя-любовника в постели Екатерины она начала присматриваться к его брату Алексею. Порою утверждение о том, что могучие богатыри сильны также и духом, обманчиво, однако относительно Алексея Орлова это была истинная правда. Екатерина с симпатией поглядывала на этого Геркулеса, самого сильного человека в Преображенском полку, куда он поступил на службу четырнадцати лет от роду. Алексей мог

одним ударом сабли снести голову быку (и человеку, конечно, но это уж так, семечки!), раздавить двумя пальцами яблоко, приподнять карету, полную пассажиров... Кроме того, он был умен и хитер, а сабельный шрам во всю щеку, оставшийся у него после одного предательского удара, отнюдь не портил его внешности. Кто знает, очень может статься, что именно Алексей занял бы историческое место в сердце будущей императрицы... а вот интересно, каким путем пошла бы тогда Россия, что с ней случилось бы?! – когда бы в 1758 году не появился в Петербурге брат Алексея Орлова, Григорий.

Он привез в столицу с театра боевых действий в Пруссии взятого в плен адъютанта Фридриха Второго, графа Шверина, ну и, натурально, был принят при малом дворе, а точнее, на половине Петра Федоровича, который, как известно, являлся страстным поклонником Фридриха. Будущий император очень к Орлову благоволил, а оттого графиня Брюс, которая продолжала свои неутомимые любовные изыскания, поглядывала на красавца поначалу не без брезгливости. Впрочем, вскоре слух, поползший по Петербургу, заставил ее переменить мнение.

Слух касался отношений – вернее, сношений! – этого самого Орлова с признанной красавицей Еленой Куракиной, любовницей графа и генерала-фельдцейхмейстера Петра Ивановича Шувалова. Самое пикантное заключалось в том, что Шувалов, восхищенный воинскими подвигами Григория, тотчас по приезде в Петербург взял его к себе в адъютанты. Ну что ж, восхищаться и впрямь было чем: в сражении под Цорнсдорфом Григорий был трижды ранен и обратил на себя общее внимание своей храбростью и хладнокровием. Однако, сочтя, что его подвиги требуют награды, а раны – ухода, Орлов выбрал себе в милосердные сестры именно любовницу своего патрона.

Разумеется, сплетни об этом вихрем пронеслись по светским гостиным столицы. Не миновали они и ушей Прасковьи Брюс, которые были и вообще-то постоянно настрожены, а уж если дело касалось Елены Куракиной – и подавно. Графиня Брюс Елену терпеть не могла – прежде всего за ее исключительную красоту, конечно, ну а кроме того, их пути слишком часто пересекались в одних и тех же постелях, и порою любовники – мужланы!!! – доходили до того, что осмеливались сравнивать внешние стати и внутренние качества Прасковьи и Елены – увы, не всегда в пользу графини Брюс...

Прасковья положила себе во что бы то ни стало отбить у Елены Степановны этого черноглазого красавца, которым восхищался весь Петербург. Отбить не отбить, но для начала хотя бы затащить его в свою постель. Ну, сделать это никакого труда не составило, и вот тут-то Прасковья совершила вдруг потрясающее открытие: да ведь этот Григорий – именно то, что она ищет для дорогой подружки Като!

Прасковья едва дождалась, пока Григорий закончит демонстрировать ей свою удаль, и, небрежно отряхнув юбки, ринулась к великой княгине, чтобы сообщить радостную весть: Господь явил свою милость и послал-таки ей желанного героя!

Екатерина вскинула брови и недоверчиво уставилась на подружку:

– Брат Алексея Орлова? Ну что ж, посмотрим... А где бы, кстати, на него посмотреть?

– Гришка запросто вхож в покои великого князя, – торопливо принялась рассказывать Прасковья. – Да и живет теперь рядом с Зимним дворцом, в доме банкира Кнутцена. Там поселили пленного Шверина, ну а поскольку Гришка по-немецки шпарит, как истинный шваб, его определили на житье поближе к Шверину – якобы толмачить для высокопоставленного пленника. Говорят, впрочем, что сильно Петр Иванович Шувалов на Гришку жаловался и молил убраться его с глаз Еленки Шуваловой, дабы слишком не соблазнялась!

Узнав, что Григорию Орлову симпатизирует Петр Федорович, Екатерина едва не отказалась от намерения повидать его. Однако Прасковья, которая ни на йоту не сомневалась, что Григорий Орлов – то, что нужно, принялась расписывать его стати и достоинства (особенно

постельные) такими красками, что Екатерина почувствовала почти неодолимое желание не только увидеть Орлова, но и убедиться в истинности живописаний дорогой подруги.

Бросив один лишь взгляд на Григория, она поняла, что Прасковья в очередной раз оказалась права... И вот так и начался невероятный роман двадцатипятилетнего Орлова и тридцатилетней Екатерины – начался с легкой руки графини Прасковьи Брюс. Что и говорить, называя себя на пороге смерти путеводной звездой молодой Екатерины, Прасковья Александровна не слишком-то заносилась, и если Григорий Орлов со товарищи привел Екатерину на престол, то разве не было в этом и немалой заслуги Прасковьи Брюс?..

Честно говоря, историки позднейших поколений воспринимали Прасковью Брюс как существо одиозное. И как-то даже стыдились упоминать о ней вне конкретного постельного контекста. Словно она и не была женой своего мужа (произведенного, после не слишком-то славного боевого прошлого, в 1773 году в генерал-аншефы, награжденного орденом Андрея Первозванного и назначенного генерал-губернатором обеих столиц и главнокомандующим войск в Москве), ни матерью своей дочери (вышедшей в свое время замуж за графа Василия Мусина-Пушкина, которому уже император Павел разрешил присоединить к своей фамилии также фамилию Брюс – потому что мужского потомства Яков Александрович и его жена Прасковья не оставили). А между тем однозначно, что всей своей карьерой не слишком-то удачливый воин и чрезмерно бурбонистый, знающий только черное и белое, казенно-суровый граф Брюс был обязан именно жене! Екатерина щедро одарила ее за безусловную преданность, проявленную как до переворота, так и во время его, а также – после его свершения, и если Екатерина Романовна Дашкова всю руководящую роль в сем историческом событии приписала себе, ни словом не обмолвись о том, что рядом с Екатериной Алексеевной постоянно была и ее вернейшая, преданнейшая подруга Прасковья (она вскользь называет ее прислугой, горничной, которая где-то там мелькала на заднем плане!), – ну что ж, так оценивала чрезмерно эгоцентричная госпожа Дашкова роль личности в истории. На самом деле, конечно, Прасковья и впрямь присутствовала неотлучно при будущей императрице, а переодеваться в мужской наряд им было не привыкать стать, что одной, что другой, и если они проделывали это ради безобидного адюльтера, то почему не проделать и ради адюльтера покруче, ради измены не просто супругу, но и императору?

Проделали – и остались не только безнаказанными, но и стяжали славу!

Итак, Екатерина стала императрицей. Она была, безусловно, счастливой государыней! Однако была ли она счастливой женщиной? О нет!

Ей изменяли, как самой обычной опостылевшей жене, ее бросали, как самую обыкновенную надоевшую любовницу. Однако она готова была хоть пожизненно хранить верность одному мужчине – при условии, что сей мужчина будет верен ей, – это раз, и будет неустанно удовлетворять ее отнюдь не уменьшающийся любовный аппетит – это два. Ко второму Орлов худо-бедно был пока что готов, однако хранить верность одной женщине он был органически не способен. Что говорить – он даже Прасковьи домогался! Французский посланник в России Беранже без всяких околичностей писал в Париж о Григории Орлове: «Этот русский открыто нарушает законы любви по отношению к императрице; у него в городе есть любовницы, которые не только не навлекают на себя гнев императрицы за свою угодливость Орлову, но, по видимому, пользуются ее расположением...»

Беранже, конечно, обольщался насчет такой уж снисходительности Екатерины. Чаша ее терпения наконец переполнилась, и «ближние бояре» мигом смекнули, что в мутной воде ее изменившегося настроения можно выловить очень немалую рыбку. Граф Никита Панин, воспитатель цесаревича Павла (сына, как мы помним, скорее всего Сергея Салтыкова, хотя возможны варианты...), человек умный и тонкий, однако исполненный коварства и весьма тяготившийся всесилием Орлова, решил предоставить императрице достойную замену. Пригладевшись к придворным красавчикам и посоветовавшись с графиней Брюс (голова хорошо, а

две лучше, мужской ум востер, а женский того вострее, тем паче в таком деликатном деле!), Панин обратил внимание Прасковьи на кавалерийского корнета Александра Васильчикова. Молодой человек был хорош собой, скромн, воспитан, а главное, имел известные достоинства столь выдающиеся, что при первом взгляде на Васильчикова интерес даже самого скромного встречного поневоле приковывался не к красивому лицу, не к приветливой улыбке, не к саженным плечам, а к стройным бедрам корнета, который словно бы постоянно находился в состоянии полной боевой готовности. Прасковья давно уже облизывалась на этого удалца, однако что-то ее удерживало, может быть, избыточная молодость красавчика: все-таки ей было уже сорок три, а ему всего лишь двадцать... Если ей когда-то три года разницы с мужем казались неодолимым барьером, то двадцать три года должны были казаться вовсе Гималаями...

Но, лишь услышав о Васильчикове от Панина, Прасковья подумала: а пуркуа бы не па?! И Гималаи перестали казаться ей столь уж непреодолимыми... тем паче что ни о каких Гималаях она в жизни своей слыхом не слыхивала, вообще избытком образованности (в отличие от любимой подруги) никогда не страдала и, подобно покойной императрице Елизавете Петровне, до слез расстроилась, узнав, что Англия – это остров и до нее совершенно невозможно доехать по суше.

Александр Васильчиков был взят на abordаж в темноте, во время ночного дежурства, и радостно ответил на ласки неизвестной красотки (то есть лица своей нечаянной любовницы он не видел, но ведь ночью все кошки серы, а женщины – прекрасны!). Удивляться этому не стоит: «полудикая Россия» семимильными шагами шествовала по направлению к полуграмотной Европе, нравы в которой были более чем вольные. Двор, само собой, бежал впереди прогресса, особенно когда речь шла о куртуазных наслаждениях. Так что все понимали друг друга с полуслова... однако Александр Васильчиков и вообразить не мог, какая участь ему уготована!

Прасковья осталась вполне довольна, нашла, что сущность соответствует форме, и доложила «об исполнении» Панину.

– Ну что ж, – довольно потер руки Никита Иваныч, – коли так, вперед!

И вот во время какого-то смотра корнет Васильчиков попался императрице на глаза... вернее, был ей на глаза выставлен...

«Кавалерийский корнет по фамилии Васильчиков, случайно посланный с поручением в Царское Село, привлек внимание государыни совершенно неожиданно для всех, потому что в его наружности не было ничего особенного, да и сам он никогда не старался выдвинуться и в обществе был очень мало известен. Ее величество впервые оказала ему знак своей милости при переезде из Царского Села в Петергоф: она послала ему золотую шкатулку, жалуя ее ему за то, „что он сумел сохранить такой порядок среди своего эскадрона“... Никто не придавал подарку особого значения; но частые визиты молодого человека в Петергоф, старание постоянно попадаться на глаза императрице, предпочтение, оказываемое ему среди толпы, большая свобода и веселость в обращении после отъезда бывшего фаворита, досада и неудовольствие родственников и друзей последнего и вообще тысяча мелочей – все открыло глаза окружающим придворным...»

Это строки из донесения прусского посланника барона Сольмса своему королю Фридриху II.

– Ну что, моя дорогая? – как бы невзначай спросила Екатерина подругу. – Как ты находишь этого Васильчикова? Как думаешь, каков он?

Подразумевалось – в постели.

Прасковья равнодушно пожала плечами. Велико искушение было вот так сразу ляпнуть Екатерине, что думать нечего, ей доподлинно известно, как приступает корнет к делу, как ведет сражение, как сдается в плен и какие стоны испускает при полной и окончательной капитуляции, однако не стоило вот так сразу открывать все карты. Недавно дошла до Прасковьи весть, что ее прозвали при дворе дешевеньким кольцом, которое каждый на палец может надеть.

Довела до нее эту весть сама Екатерина, именно поэтому Прасковья и решила сейчас немножко построить из себя девушку... ну хоть на минуточку, хоть на самую чуточку!

– Откуда мне знать? – произнесла чуть ли не с зевком. – Конечно, коли ты велишь, Като, я узнаю об сем в два счета.

– Неужто в два? – усмехнулась императрица. – Нет, так дело не пойдет! Мне подробности надобны.

– А, стало быть, велишь? – воодушевилась Прасковья.

– Велю! – отчаянно махнула рукой Екатерина, и уже ближним вечером предмет сего разговора был отведен на обследование к лейб-медику Роджерсону, а вслед за этим Прасковья со всей ответственностью приступила к исполнению государственного задания, и если Васильчиков и был несколько изумлен, обнаружив, что прелести «первой отведывательницы блюд дворцовой кухни» (это прозвище очень скоро пристанет к Прасковье как банный лист) ему уже знакомы, то у него хватило ума сохранить это открытие при себе и отдаться делу со всем старанием, поскольку не так уж прост был наш герой и отлично понимал, что два события – подарок императрицы и визит «пробир-статс-дамы» – меж собою тесно связаны.

Наутро Прасковья досконально описала помирающей от любопытства Като стати и манеры Васильчикова, а вечером Александра ввели, одетого в шлафрок и с томиком Вольтера в руках, в опочивальню императрицы. Предполагалось, молодой человек явился почитать ей на ночь кой-каких творений великого циника... до чтения, увы, дело не дошло, и какое же счастье, что Екатерина Алексеевна еще в бытность свою великой княгиней много чего, Вольтеру перу принадлежащего, прочла, а не то так бы ей и оставаться незнакомой с его творчеством!

Ну что ж, наутро Екатерина вышла из опочивальни в прекрасном настроении, однако его мало кто разделил. Может быть, потому, что никто, кроме нее, не провел с Васильчиковым ночи. Барон Сольмс доносил своему повелителю:

«Я видел этого Васильчикова и узнал его, так как раньше мы часто встречались при дворе, где он не выделялся из толпы. Это человек среднего роста, смуглый и довольно красивый. Он всегда был очень вежлив со всеми, держал себя тихо, застенчиво, что сохранилось в нем и до сих пор. Он как бы стесняется ролью, которую играет... Большинство состоящих при дворе относятся к этому делу неодобрительно. Среди всех большой переполох. Они ходят как в воду опущенные, задумчивые, хмурые. Все свыклись с графом Орловым – он им покровительствовал, ласкал их. Васильчикова никто не знает; неизвестно еще, будет ли он иметь значение, подобно своему предшественнику, а также в чью пользу он его употребит. Императрица пребывает в наилучшем расположении духа, весела и довольна, у нее на уме только праздники да увеселения».

Ах, кабы знали придворные, которые «ходили как в воду опущенные», что Васильчиков – только первое звено в той длинной-предлинной череде фаворитов, которых будет при русском дворе видимо-невидимо, считано-несчитано...

Васильчиков ни в постели императрицы, ни при дворе не задержался. Как выразались на сей счет люди образованные, *saltavit et placuit*: выскочил и успокоился, – вдобавок удалившись от двора очень богатым человеком и удачно вскоре женившись. Однако и Орлов, спохватившийся и готовый на все ради того, чтобы вернуть любовь и доверие императрицы, своего не добился. На небосклоне возшла новая звезда – появился Григорий Александрович Потемкин...

Еще в самые молодые года этот человек не раз говорил друзьям, что ему лишь бы только стать первым, а будет ли он генералом или архиереем, значения не имеет. Ну что ж, он побывал генералом... правда, насчет архиерея вышло с точностью до наоборот, однако тоже вполне весело.

Кстати, не все так просто! Потеряв по неосторожности фельдшера-коновала глаз, Потемкин едва не ушел в монастырь! Некоторые уверяют, что даже ушел-таки – в Александров-Нев-

ский, но оттуда его извлекла императрица, вызвала в Петербург, дала чин генерал-адъютанта... et cetera, et cetera...

Этих двух великих людей привлекла друг к другу судьба. Потемкин был среди участников знаменитого переворота 1762 года, так что и ему, как, впрочем, и Григорию Орлову (хотя и не в такой степени!), императрица оказалась обязана трон, тем паче что служил-то Потемкин в Ропше, как раз там, где «скончался от удара» злосчастный Петр Федорович. Потом Потемкин был послан в Швецию с донесением королю Густаву о свершившейся перемене власти, вернулся, получил пост обер-секретаря Синода... здесь-то и настигла его потеря глаза, что он воспринял как самый мрачный знак судьбы и решил уйти от мира.

Историк пишет: «Целых восемнадцать месяцев окна были закрыты ставнями, он не одевался, редко с постели вставал, не принимал к себе никого. Сие уединенное прилежание при чрезвычайной памяти, коей он одарен был от природы, здоровое и не рабское подражание в познании истин и тот скорбный образ жизни, на который он себя осудил, исполнили его глубокомыслием».

Но еще больше исполнили они глубокомысленным интересом к судьбе Потемкина государыню императрицу, которая давно уже положила на него глаз (ну куда не деться от каламбуров!), ибо, несмотря на увечье, Григорий Александрович был чрезвычайно хорош собой, а черная повязка придавала ему вид интригующий и до того волнующий, что императрица слишком часто начала видеть сего подданного своего в грешных снах. И, натурально, захотела, чтобы сны сии стали явью.

Вернуть потерянного к мирской жизни было само собой понятно кому поручено. Однако Потемкин дом свой держал на запоре и никого туда не пускал, дверей никому не открывал. Но слаб человек, а зов плоти силен. Потемкин был от природы одарен мощным мужским началом (да и концом, каким надо, добавим от себя, стыдливо потупясь!) и бороться с собственной натурой долго не мог. Графиня Прасковья Брюс справедливо рассудила, что всякая крепость рано или поздно сдастся, а потому по ночам, когда бес искушает человека всего сильнее, принялась ездить мимо дома Потемкина взад и вперед, и бомбардировала его нежными записочками, и высаживала десант на крылечко, и принимала к двери, сладострастно мурлыча в шелку и умоляя отворить, отворить, отворить...

Ну да, слаб человек, а бес силен! Потемкин в неслыханно который раз подтвердил сию истину, однажды открыв-таки дверь Прасковье и немедленно очутившись в ее объятиях. Придя в неопиcуемый восторг при знакомстве с могучей оснасткой сего Циклопа, а пуще – от галантности и неутомимости его, графиня Брюс чуть живая воротилась утром во дворец и немедленно рухнула на первое попавшееся канапе: ноги ее не держали. Поглядев на ее нацелованный рот и заглянув в счастливые, затуманенные глаза, Екатерина принялась хохотать:

– О, вижу, что ты довольнехонька!

– Ты тоже будешь довольнехонька! Я ему не нужна, что я, так, блуд почесать. Он к тебе имеет склонность не токмо телесную, но и сердешную! – смело посулила Прасковья, которая была в своем роде очень недурным психологом, – и оказалась пророчицей.

Страсть вспыхнула пуще огня-пламени, и недоброжелатели сулили Прасковье скорую отставку с ее приятной и полезной должности пробир-статс-дамы: мол, никто, кроме Потемкина, Екатерине не нужен и впредь не понадобится. Однако графиня Брюс только хихикала да шурилась: она как никто другой знала свою дорогую подругу Като! Это была совершенно особая женщина. Как выразится в свое время превеликий знаток женской природы и психологии, матерщинник и охальник, глумец и кощунник, мудрец и стихоплет Иван Семенович Барков:

На передок все бабы слабы,
Скажу, соврать вам не боясь,
Ну уж такой ... бабы

Никто не видел отродясь!

Вместо многоточия можно вставить, к примеру, слово «смешливой». Или – «счастливой». А впрочем, возможны варианты...

Короче говоря и говоря короче, Прасковья прекрасно понимала, что у такой женщины, как императрица Екатерина, у женщины ее лет и ее appetитов, сердце не всегда в ладу с телом. То есть душой женщина может принадлежать одному, а тело ее запросто найдет превеликое удовольствие в общении со всяким, кто способен даровать ей телесное наслаждение. А значит, должность «первой отведывательницы блюд дворцовой кухни» еще долго будет значиться, хоть и негласно, в придворном регламенте!

И конечно, многоопытная графиня не ошиблась!

Но, между прочим, ошибется тот, кто оценит роль Прасковьи Александровны Брюс однозначно постельно. Барон Сольмс в донесениях Фридриху II сетовал на то, что невозможно прибегнуть к женскому влиянию на императрицу, что она никому не доверяет, прекрасно понимая, что женщины – это всегда соперницы, а такое понятие, как женский ум, для нее не существует вообще, является просто нонсенсом. «Государыня хорошо расположена только к графине Брюс, которая никогда не осмеливается говорить с ней о делах».

Барон ошибался. Осмеливалась, и еще как! Прасковья и в самом деле была конфиденткой императрицы – то есть доверенным лицом. Доверенным во всех тайных и секретных делах – нет, о том, допускала ли ее Екатерина до международного шпионажа, у нас никаких сведений не сохранилось (да и вряд ли могло случиться такое, слишком аж влюбчива была драгоценная Прасковьюшка, слишком оголтело – какое слово! вот уж воистину, *оголяя тело!* – увлекалась мужским полом), – однако никто не знал столько, сколько графиня Брюс, о тайной войне, которая развернулась в семействе Екатерины между сентябрем 1773 – и апрелем 1776 года. В сентябре 73-го праздновалась свадьба цесаревича Павла Петровича с восемнадцатилетней принцессой Гессен-Дармштадтской Вильгельминой, в апреле 76-го – похороны великой княгини Натальи Алексеевны. Это было одно и то же лицо, и лицо это причинило столько сердечных мук и тревог своему мужу и свекрови, что просто удивительно, как они вышли живыми и здоровыми из этой истории. Хотя, впрочем, Павел Петрович не отделался легким испугом, подобно его более крепкой и закаленной в семейных сражениях матушке, а повредился-таки рассудком, и именно с тех пор он вел себя, выражаясь языком современной психологии, неадекватно, что и привело его к преждевременной кончине.

Несколько слов об этой истории.

Принцесса Вильгельмина была, как это водится, сосватана заглазно и прибыла в Россию на смотрины в сопровождении одного из ближайших друзей цесаревича – капитан-лейтенанта графа Андрея Кирилловича Разумовского. Это был выбор Павла – послать за невестой именно Разумовского, своего верного и искреннего друга, как он называл графа Андрея. Императрица Екатерина благоволила к молодому красавцу, обладавшему не только точеными чертами лица и великолепной статью, но и невероятным, просто-таки бесовским обаянием, вспоминала при взгляде на него свой прелестный, хотя и платонический, роман с его отцом, графом Кириллом Григорьевичем Разумовским, и охотно согласилась утвердить Андрея (шалунишку Андре, как она его называла) на роль посланника Купидона.

Однако и графиня Прасковья тоже благоволила к молодому Разумовскому! Ходили слухи, будто она в свое время настолько восхитилась его изысканной и в то же время мужественной красотой, что взяла на себя труд впервые объяснить пригожему наследнику знаменитых Разумовских, чем, строго говоря, отличается мужчина от женщины, и весьма преуспела в своей задаче. Не с ее ли легкой руки (ну ладно, не с руки, не с руки, но так ли уж необходимо постоянно называть вещи своими именами?!) сделался Разумовский столь ненасытным лове-ласом?.. Ходили также слухи, будто Екатерина, когда цесаревич достиг опасного возраста и его

стали неудержимо привлекать прекрасные дамы, но он все никак не мог решиться расстаться с невинностью, приказала именно графине Брюс избавить Павла от затянувшихся иллюзий. Таким образом, Прасковья Александровна отлично знала обоих молодых людей, знала, кто из них на что способен, а потому без околичностей сообщила Като, что опасается, как бы граф Разумовский того-с... не воспользовался девичьей беззащитностью Вильгельмины и не опередил своего венценосного друга.

Екатерина была женщина проницательная, спору нет, но тут что-то с ней случилось, может быть, ее ангел-хранитель на минуточку отвлекся или бес противоречия овладел ею, как ему случается вмиг овладевать женщинами, – однако она подняла подругу на смех:

– Да что, Андрюшке других девок мало? Они сами к его ногам падают, как переспелые яблоки, даже и деревья трясти не надо. Зачем ему голову в петлю совать: ведь, коли невеста окажется распечатанная, первое подозрение на него падет. Да и девчонка небось не дура – кому охота быть высланной с позором?!

Графиня Прасковья сочла возражения резонными и спорить не стала. Однако подруги не учли такой малости, как любовь с первого взгляда. В результате этой роковой *малости* «верный и искренний друг», бывший капитаном корвета «Быстрый», на котором путешествовала Вильгельмина, воспользовался тем, что капитан на судне – первый после Бога и имеет право доступа во все помещения корабля в любое время дня и ночи. Вильгельмина рассталась с девичеством... Однако любовники понимали, что если они желают впредь оставаться неразлучны, то должны притворяться с максимальной достоверностью и правдивостью. Поэтому на смотрах Вильгельмина изобразила из себя такую скромницу, что Павел едва ли не зарыдал от умиления пред этим олицетворением девичьей невинности. Понравилась Вильгельмина и Екатерине, а что до графини Брюс, которая, само собой, присутствовала при первой встрече жениха и невесты в Гатчине, во дворце Григория Орлова, то она лишь подняла брови: провинившихся девиц эта профессиональная куртизанка чуяла за версту...

Разумеется, она не скрыла своего впечатления от Като. И тут ее ожидал сюрприз: оказывается, императрица уже знала о случившемся! На «Быстром» у нее были свои глаза и уши... Однако девочка очень понравилась Екатерине, вспомнившей себя в ее годы, свое неудачное замужество, свое вынужденное распутство, вскоре ставшее привычным и необходимым. А еще Екатерина вспомнила: даже она не смогла бы поклясться, что Павел – сын именно Сергея Салтыкова, а не какой-нибудь чухонец...¹ Екатерина сложно, очень сложно относилась к этому ребенку. И теперь она подумала мстительно: «Ничего лучшего он не заслуживает!»

Вильгельмина была обласкана и одобрена, все ее попытки – довольно неуклюжие! – изобразить из себя девственницу были приняты за чистую монету, брак свершился, Екатерина снисходительно наблюдала за нежностями молодой пары и за нежностями великой княгини с «верным и искренним другом», шалунишкой Андре, который дневал и ночевал (вот именно!) при малом дворе... порою у императрицы даже возникали мысли, что внука, которого в одну из своих грешных встреч сотворили бы для нее распутная сноха и прелестный, ну такой оборотительный распутник Андрюшка, она любила бы как родного... Но когда графиня Прасковья однажды примчалась к Екатерине с вытаращенными глазами и сообщила, что Наталья Алексеевна (такое имя дано было Вильгельмине при православном крещении) готовит ни много ни мало государственный переворот, благодушная снисходительность императрицы растаяла как сон. Исчезла эта самая снисходительность, будто ее и не было!

– Андре снова приходил обедать, – сообщала статс-дама Брюс, которая имела своих шпионов при малом дворе. – И опять великий князь после сего обеда ощутил неодолимую сонливость...

¹ О версиях на эту тему и о судьбе принцессы Вильгельмины при русском дворе можно прочитать в новелле Елены Арсеньевой «Распутница! И заговорщица вдобавок!», помещенной в книге «Браки свершаются на небесах».

– Понятно, – пожимала плечами Екатерина. – И все спали, да?

– Ну да, – кивала Прасковья, не расшифровывая сии многозначительные слова, потому что Екатерина и сама знала, что Павел спал за обеденным столом, а в это время великая княгиня и шалунишка Андре торопливо прелюбодействовали, а потом занимали свои места за тем же столом, так что Павлу казалось, будто ничего и не изменилось, пока он на минуточку вздремнул... ровно ничего, кроме того, что его рога, и без того ветвистые, приобретали еще один отросток, или два, или три, смотря по обстоятельствам.

– Ой, подозрительна мне эта сонливость... – бормотала Екатерина. – Небось опаивают Павлушку, да?

– Опаивают, ей-богу, вот провалиться мне на этом самом месте, если вру! – крестилась Прасковья. – А вот еще депеша перехваченная: князь Вальдек, канцлер Австрийской империи, говорил родственнику своему, принцу Ангальт-Бернбургскому: «Если *эта* не устроит переворота в России, то никто его не сделает!» Догадываешься, кого он понимает под словом «эта»? А английский посланник Джеймс Гаррис в донесениях своему правительству намекает на неминуемую борьбу между тобой и Наташкой за власть в России! Далеко дело зашло, Като, чрезмерно далеко! Пора их окоротить, пока и в самом деле чего не вышло!

Екатерина открыла глаза Павлу и на прелюбодеяние, и на возможный комплот, у него сделалась истерика, однако Наталья сумела-таки отвести ему глаза и успокоить, свалив все на недоброжелательную свекровь. Матушку свою Павел недолюбливал и охотно поверил жене. Прежде всего стала осторожней сама великая княгиня... Прекратила тайные и явные встречи с послами, с их агентами, поняла: время для государственного переворота еще не настало. К тому же она наконец-то забеременела, и Екатерина была так счастлива, что простила Наталье все свершенные и даже еще не свершенные грехи.

– Мне безразлично, чей это ребенок! – исповедовалась она Прасковье с привычным здоровым цинизмом истинного государственного деятеля. – От души надеюсь, что от Разумовского! Но пусть Наташка только родит – и больше никогда не увидит дитя. Я воспитаю его сама, по образу своему и подобию. Я сделаю из него истинного государя для России. Назначу наследником в обход Павлушки!

Прасковья только восхищенно головой качала...

Но этим замыслам (которые, к слову, воскреснут у Екатерины спустя двадцать лет, относительно великого князя Александра Павловича, и заставят Павла ненавидеть собственного сына) не суждено было сбыться. Дитя, готовое родиться, умерло во чреве матери. Требовалось немедленно делать кесарево сечение, чтобы спасти великую княгиню, которая страшно мучилась. Но отчего-то консилиум замешкался с принятием решения, и наконец стало ясно, что операция запоздала. У Натальи началось заражение крови. Она знала, что умрет, но так намучилась, что ожидала смерти почти с нетерпением. И до последнего дня через преданную ей фрейлину Алымову продолжала посылать своему любимому графу Андрею нежные записки и цветы. Страсть поглощала ее всю и значила для нее куда больше, чем какая-то там смерть.

И вот злосчастная цесаревна преставилась.

Тем же часом Прасковья Брюс проникла в ее кабинет и унесла оттуда потайную шкатулку с письмами. Разумеется, шкатулка была доставлена к императрице. Екатерина просмотрела их, сардонически хмыкнула, увидав список долгов великой княгини, доходивший до трех миллионов рублей, и опечатала шкатулку. Она не намерена была никому предъявлять ее содержимое. Однако обстоятельства оказались сильнее. Павел от горя умирал, едва не лишился рассудка, и две многоопытные подруги, императрица и графиня Брюс, устроили спешный военный совет, на котором решено было выбить клин клином.

Екатерина призвала наследника и, не тратя лишних слов на утешения, вскрыла перед ним запечатанную шкатулку с бумагами Натальи. Выбрала несколько писем, протянула Павлу...

Из императорских покоев великого князя унесли почти без чувств.

В результате Разумовский был отправлен в Италию с дипломатической миссией и вскоре сделался одним из выдающихся русских дипломатов. На шалунишку Андре императрица, любительница красавцев, долго сердиться совершенно не могла, и любимая подруга ее в этом всячески поддерживала.

Между тем смерть любимой жены, а еще пуще – предательство ее и наилучшего друга произвели разительную перемену в натуре Павла Петровича. Из легкомысленного, словоохотливого, непоседливого человека он сделался сумрачным и недоверчивым, крайне подозрительным, что доходило у него порою до мании. Екатерина всерьез обеспокоилась, однако Прасковья только плечами пожала:

– Я ж говорила тебе, Като: клин клином вышибают! Жени его сызнова!

– Так скоро? – усомнилась Екатерина. – Он не захочет! Горе его слишком глубоко.

Прасковья посмотрела на нее снисходительно и снова пожала плечами:

– Павлушкино-то? Да он и горевать-то не способен толком.

И Прасковья в очередной раз оказалась права! Павел не то что не был способен горевать – он не умел ни на чем толком сосредоточиться. И это спасло ему рассудок. Когда – спустя несколько дней после кончины Натальи – Екатерина осторожно заговорила о необходимости поиска новой невесты и упомянула принцессу Софью-Доротею Вюртембергскую, Павел отнюдь не разгневался и не возмутился такой спешкой. Он обратил к императрице оживившийся взор и с большим интересом спросил:

– Брюнетка? Блондинка? Маленькая? Высокая?..

И немедленно началось сватовство, которое очень скоро кончилось браком. В России появилась новая великая княгиня – Мария Федоровна.

Но это, как принято выражаться, уже совсем другая история...

Вернемся, впрочем, к Григорию Потемкину – вернее, любви к нему Екатерины.

Светлейший был умен и уже через два года общения с этой незаурядной женщиной и незаурядной любовницей понял, что может быть ей только другом, советчиком и помощником во всех ее великих начинаниях. Если останется любовником, то скоро умрет. Для того чтобы быть той, кем она была – Великой Екатериной, – императрица нуждалась не только в умных мыслях, но и постоянной подпитке нежностью, пылкостью, страстью: она должна была постоянно ощущать себя любимой и желанной. Чтобы быть великой женщиной, она должна была всегда оставаться именно *женщиной*. И в глубине души Григорий Александрович смирился с тем, что ему придется делить любовь императрицы с другими мужчинами: куда более молодыми и красивыми, чем он...

В 1775 году Потемкин уехал на несколько недель из Петербурга, и все тот же, уже упоминавшийся нами, Никита Панин, который спал и видел занять должность первого советчика императрицы, который будет направлять ее политику и влиять на само течение ее мыслей, быстренько подсунул ей новую свою креатуру: Петра Васильевича Завадовского.

Строго говоря, вполне ставленником Панина его нельзя было назвать. Появился Завадовский в Москве в свите победителя турок – графа и фельдмаршала Петра Александровича Румянцева, родного брата графини Брюс. Румянцеву готовилась триумфальная встреча, однако он предпочел приватность и конфиденциальность и явился в сопровождении одного лишь тридцатисемилетнего полковника Завадовского. Это был мужчина красоты необыкновенной, и Екатерина, которая уже начинала чувствовать себя в постели одиноко (вспомним Баркова!), поглядела на него с нескрываемым удовольствием. Румянцев, несколько пододчавший в своих походах и сражениях, ничего не заметил. Однако этот взгляд заметил тонкий интриган Панин. Ну и Прасковья, само собой разумеется...

Перемигнувшись с Паниным, она тишком пробралась поближе к брату и провела с ним краткий инструктаж. Поначалу простодушный фельдмаршал вылупил было глаза, однако через

несколько минут, потирая исщипанный сестрицею до синяков бок, представил императрице своего спутника, коего он взял «для ведения записей». Румянцев не пожалел похвал для Завадовского, назвав его человеком образованным, трудолюбивым, честным и храбрым. Екатерина тут же, не сходя с места, пожаловала полковнику бриллиантовый перстень с выгравированным по золоту ее именем и назначила своим кабинет-секретарем. Этим же вечером доктор Роджерсон с важностью приступил к своим обязанностям, а после него приступила к своим довольнехонькая Прасковья Брюс.

Нет, она вовсе не рыла яму Потемкину! Со светлейшим у нее были превосходные отношения! Но как же счастлива была она, что, во-первых, опять при деле, во-вторых, удастся отведать объятий такого красавца (Прасковья, не будем забывать, была изрядная сладкоежка... или в данном случае следует сказать, сластоежка?), а главное, останется довольна милая Като! Инстинкт, впрочем, предсказывал Прасковье, что Завадовский приживется при дворе.

Так и получилось.

Он получил сразу два чина: генерал-майора и генерал-адъютанта, а в должности кабинет-секретаря ведал личной канцелярией, доходами и расходами императрицы. Теперь он стал одним из наиболее приближенных к Екатерине людей, был посвящен в самые ее секретные дела. И обиталище ему предоставили в апартаментах императрицы – там, где прежде было место Потемкина.

Это потрясло Григория Александровича. Он решил во что бы то ни стало вытеснить Завадовского хотя бы из этих апартаментов, если вовсе не может выжить из дворца. Потемкин признавал, что Петр Васильевич – человек умнейший, прочил ему значительную придворную карьеру, совпадая в этом с мнением Прасковьи Брюс. И впрямь – даже после отставки с «поста фаворита» Завадовский продолжал государственную деятельность, присутствовал в сенате и совете, управлял двумя банками, председательствовал в комиссии законов, управлял учебными заведениями... etc... Сказанного довольно, чтобы понять: личность была и впрямь незаурядная! Итак, чтобы вытеснить Петра Васильевича из апартаментов Екатерины, туда нужно поместить кого-то другого, причем желательнее – нет, обязательно! – преданного светлейшему субъекта.

Таким человеком стал Семен Зорич, не то серб, не то цыган, а скорее всего, помесь, георгиевский кавалер и геройский кавалерист, неопикуемый удалец и грубиян. Впрочем, последнее императрице еще предстояло выяснить.

Впрочем, некоторые историки стремятся свести до нуля роль Потемкина в возвышении Зорича и представить дело так, будто он сам по себе привлек внимание императрицы. Якобы был у него приятель – гоф-фурьер Царского Села, Зорич прибыл к нему в гости, напился, вышел в дворцовый сад и сел на скамью под липой. Да и заснул, привольно раскинувшись. Тут и обнаружила его Екатерина, которая совершенно случайно вышла в сад именно в это время. Угадайте с трех раз, куда именно посмотрела Екатерина прежде всего... Нет, на красивое лицо Зорича был направлен второй взгляд, а вот первый... Ну и участь нашего героя была решена!

Кстати, о том, куда направляет свой первый взгляд императрица при встрече с любой персоною мужеска полу, были осведомлены все. Кто хотел, над этим хихикал. Кто хотел – презирал. Кто хотел – извинял сию слабость, которая как бы подтверждала, что Екатерина – всего лишь женщина...

Но вернемся к Зоричу. Стоило Екатерине только взглянуть на него, спящего ли, бодрствующего, не суть важно, как Завадовский получил полугодовой отпуск, ну а графиня Брюс – категорический приказ проверить «деловые качества» нового персонажа.

Прасковья поджала губы. Не то чтобы Зорич ей не понравился – мужчина он и в самом деле был привлекательный, а бурная боевая биография только добавляла ему очарования (да-да, во все века кричали женщины «ура!» и в воздух чепчики бросали при виде бравого вояки!), – однако Прасковью печалило, что звезда нового фаворита должна взойти как бы без

ее участия. То есть она в данной ситуации просто-напросто приравнивалась к лейб-медику Роджерсону и должна была всего лишь констатировать мужские достоинства Зорича. Даже на беглый взгляд они обещали быть выдающимися, однако Прасковья почти желала, чтобы Зорич оплошал в постели.

И когда ожидания сии не сбылись, а напротив – проверка завершилась полным и сокрушительным оргазмом, графиня Брюс, едва переводя дух, уныло подумала, что этот охальник придется Като по вкусу...

Так и вышло.

И все-таки Прасковья слишком хорошо знала мужчин, чтобы сокрушаться чрезмерно. Она видела, что Зорич преисполнен не только величайшего себялюбия, но также не позволит никому управлять собою. Прежде всего – своему протезеру Потемкину. И Прасковья стала с нетерпением ждать развития событий, почти не сомневаясь, что в очередной раз окажется Кассандрой, пифией, сивиллой... как уже не раз бывало прежде.

Ну что ж, вскоре она уже могла развести руками, пожать плечами и проделать все телодвижения, необходимые для того, чтобы придать большей значительности сакраментальной фразе:

– Ну я же говорила!!!

Зорич благодаря щедротам Екатерины, вполне им удовлетворенной, менее чем за год стал одним из богатейших вельмож России, однако ума у него не прибавилось. Титул графа он отверг, считая, что это ниже его достоинства. Желая сделаться князем, как Орлов и Потемкин, на самом деле он был и остался прежде всего гусаром-забиякой, не подчиняющимся никакой дисциплине, не терпящим над собой никакой верховной власти. А Потемкин напоминал-таки своему ставленнику, что в постель к императрице он был уложен не токмо приятностей телесных для, но и дела ради. Но никакого дела, кроме одного-единственного и сугубо конкретного, Зорич знать не хотел, а намеки на возможную отставку, ежели будет противиться, строптивиться и скандалничать, считал оскорбительными и отвечал, он-де обрежет уши всякому гусару, который вздумает спихнуть его! В конце концов Зорич решил избавиться от светлейшего и его контроля самым простым и привычным для этого записного бретера и дуэлянта способом. Он вызвал Потемкина на поединок. Но... едва стало известно о вызове, он получил лично от императрицы категорический приказ отправиться в заграничное путешествие и не возвращаться оттуда прежде ее императорского величества особого дозволения.

Дозволения сего Зорич дождался только осенью 1778 года, когда во дворце и в сердце Екатерины поселился другой...

Забавно иногда шутит судьба! Отправляясь вон из своих обжитых апартаментов, не вполне пришедший в себя от внезапности отставки, Зорич подметил ухмылочку на лице статс-дамы графини Брюс. Он и прежде подозревал, что особа сия к нему не шибко расположена, а потому без труда разглядел в ее ухмылочке нескрываемое злорадство. И выверился:

– Не лыбься, Парашка! Недолго тебе осталось! Скоро и ты отсюда выкатишься, поверь мне!

...Говорили, будто Зорич не то серб, не то цыган? Пожалуй, среди его бабок-прабабок и впрямь была гадалка-цыганка, потому что он обошел на вороньих «сивиллу» Прасковью! Пророчество его, безусловно, сбылось, правда, не так уж скоро, а через три года, однако все же сбылось.

Смешнее всего, что графиня Брюс сама себе выкопала яму... но не будем забегать вперед.

Итак, на дворе декабрь 1777 года, Зорич вышиблен вон, Екатерина скушает, злится, томится и готова отдаться первому встречному.

Допустить сего было никак нельзя, и все значительные лица наперебой поспешили представить своего кандидата на замещение приятной и ответственной должности. Пытались под-

сунуть Екатерине полицмейстера Архарова, но дело не сладилось по взаимной несклонности. И вот на «вакантную должность» были выдвинуты трое: двадцатичетырехлетний кирасирский поручик Иван Римский-Корсаков, немец Бергман и побочный сын графа Воронцова – красавчик Ронцов. То есть красавчиками были все трое, и все трое стояли в один прекрасный день в приемной Екатерины – разряженные, с роскошными букетами в руках. Букеты якобы предназначались светлейшему, и вся проблема была лишь в том, чтобы выбрать курьера посимпатичней.

Молодые люди переминались с ноги на ногу, не зная, куда деваться от волнения. И вот появилась Екатерина – как всегда, в сопровождении графини Брюс. Сорокавосемилетние любительницы наслаждений с любопытством оглядывали выставку красавцев и порою хихикали, как юные девы... Впрочем, таковыми они и оставались в сердцах своих!

Императрица очень любезно побеседовала сначала с Бергманом, потом с Ронцовым – и наконец приблизилась к тому, с кого уже давно не сводила глаз Прасковья Брюс.

При виде черноволосого, черноглазого, белолицего юноши что-то произошло с мозолистым сердцем этой опытной любодейки. Ей почудилось, будто стоит она перед прекрасным цветком и хочет вдохнуть весь его аромат, весь, без остатка, чтобы никто больше не мог им насладиться...

Впервые на ее лице, к которому, чудилось, прочно, неснимаемо прилипла маска с насмешливым, даже скучающим, пресыщенным выражением, появилась растерянность – особенно когда ее глаза встретились с глазами Ивана Римского-Корсакова, и Прасковья увидела, как смотрят на нее эти невероятные, колдовские глаза. У юноши был вид, словно он набрел на сокровище, которое искал всю жизнь!

Но мгновенная судорога боли промелькнула на лице Прасковьи, когда к Римскому-Корсакову подошла Екатерина, и он обратил на нее свои черные, завораживающие очи все с тем же выражением...

Прасковье вдруг захотелось броситься вон, скрыться где-нибудь в закоулках дворца, выплакать боль, которая переполнила ее сердце лишь оттого, что этот красивый мальчик (в два раза моложе ее!) смотрит на другую женщину совершенно так же, как только что смотрел на нее! Она уже подхватила юбки, чтобы повернуться – и бежать прочь... однако вовремя вспомнила, кто она, где находится, кто этот мальчишка и кто та женщина, на которую устремлен его волнующий взор. И сердце Прасковьи Брюс вновь оделось теми же непроницаемыми доспехами, в кои оно было облачено прежде, и она только одобрительно кивнула, когда императрица после нескольких реплик, которыми она обменялась с Римским-Корсаковым, именно его отправила с букетом к Потемкину.

Фактически это означало смотрины фаворита временного у фаворита главного.

Потемкин был поражен красотой юноши, однако проницательным взглядом своим понял, что *этот* ему не соперник, он только и способен, что исправно делать свое постельное дело, а умом не блещет, и, стало быть, императрице будет игрушкой, а не милым другом. И он с легкой душой дал знать Прасковье, что можно приступить к интимной проверке Ивана Николаевича Римского-Корсакова.

Тем же днем лейб-медик Роджерсон провел необходимое освидетельствование, и той же ночью Прасковья Александровна, раздушенная и прибранная, словно невеста, впервые восходящая на брачное ложе, заключила прекрасного юношу в свои объятия и прижала наконец-то к сердцу, в котором как расцвел некий цветок, так вроде бы и не собирался отцветать. И всю ночь пребывала графиня Брюс наверху незнаемого прежде блаженства, то терзая, то нежа, то муча, то лаская бесподобную красоту, и ладони ее горели, когда касались плеч и бедер ее временного – временного! – любовника.

А поутру, когда Иван ушел, графине потребовалась вся ее обретенная в житейских битвах стойкость, чтобы не умереть от горя при одной только мысли о том, что никогда, никогда,

больше ни-ког-да ей не удастся поцеловать эти изящно вырезанные губы, никогда не доведется видеть любовный пламень в этих глазах.

Предстоящего разговора о Римском-Корсакове она боялась, очень боялась – ведь Като была проницательна и старинную подругу свою насквозь видела. И вот женщины встретились для подробного обсуждения всех статей и способностей будущего фаворита. Чтобы императрица не заметила горестного дрожания губ и печали в глазах, Прасковья первой начала разговор (нападение всегда было лучшим способом обороны!):

– Премилый мальчонка, пре-ми-лый, это я тебе, Като, точно говорю, как перед Господом Богом клянусь. Ты не ошиблась, Като, нет, ты не ошиблась, у тебя воистину глаз-алмаз, все насквозь, даже через лосины видит.

Вот таким был разговор двух подруг – и теперь вполне можно понять все оттенки его, почувствовать за сладкими похвалами боль и горечь Прасковьи, из рук которой уходил столь полюбившийся ее сердцу юноша.

– Ну, даже через лосины в размере-то ошибиться мудрено... – усмехнулась Екатерина. – Но не токмо ж в одном размере дело! А вот скажи, любезен ли он? Чист ли? Затеялив ли?

– Любезен, говорю же: премилый мальчонка, – воодушевленно сообщила Прасковья. – Ласковенький! И чистехонек, беленький, нежненький, так и съела бы! – Она засмеялась, чтобы подавить рвущийся из горла всхлип. – А что до затейливости... покуда более старателен, нежели затейлив. Но переимчив, толк с него будет при должной науке. Я ему для начала кой-чего показала... так, пустячки пустяковенькие... и скажу тебе, с большой охотой перенял. Перенял, и повторил, и так в раж вошел... удержу потом не было!

Не было, это правда – не было ему удержу, и до чего же хотелось Прасковье понять, по силе ли молодой, нерастроченной так неистовствовал в ее объятиях этот черноглазый красавец или потому, что *она* была рядом, *она* так его возбуждала? Каков будет он с Екатериной, ведь она и красивее, и... и вообще, государыня, что проку равнять?

– Удержу не было? – засмеялась довольная Екатерина. – Ты так вкусно рассказываешь, что мне и самой охота до смерти попробовать. А что, смотрел ли его Роджерсон? И каково нашел? Здоров ли?

– Ну, Като, неужто ж я ему далась бы, коли Роджерсон не засвидетельствовал бы телесное здоровье и не дал твердого зарока, что никаких дурных хворостей за нашим красавчиком не водится? – пожала плечами Прасковья.

– А подлинно красив, верно? Глаза... какие глаза! Колдовские очи! Поглядит – словно туман черный тебя так и покроет, голову одурманит. Волосы, ах, эти кудри черные... Сложение – словно у античного бога, профиль греческий, губы твердо высечены, чело беломраморное... – восхищенно сказала Екатерина.

Прасковье потребовалось несколько секунд, чтобы справиться с голосом и с обычным спокойствием поддакнуть:

– Не токмо чело, но и тело у него вполне беломраморное. Хорош, по всем статьям хорош мальчонка! Не пожалеешь, коли приблизишь его. Яблочко сладенькое, румяное, ах...

У нее перехватило горло, и тут у Екатерины мелькнула внезапная догадка. Но была сия догадка столь нелепа, что императрица отмахнулась от нее, словно от докучливой мухи. Не может такого быть! Потом, спустя два года, она вспомнит эту минуту, и «докучливую муху», и дрожь голоса подруги вспомнит, и до чего же пожалеет, что не дала тогда воли своей догадливости, что всегдашнее чутье обмануло ее! Тогда многое, ох, как многое сложилось бы иначе!

Ну а пока она только усмехнулась дразняще:

– Ты, Прасковья, больно уж нахваливаешь его. Вот-вот слюнки потекут! Не влюбились ли?!

Графиню Брюс обдало жаром и холодом враз, но тут же она поняла: государыня изволит шутить. И сказала рассудительно:

– В такого влюбиться немудрено. Но ты же знаешь, Като, я на службе – ни-ни! Да и что проку влюбляться-то? Что я против тебя? Разве я тебе соперница? Ты ж ко мне не ревнуешь? И правильно!

«Разве я тебе соперница?» Она была искренне убеждена в этом. И понадобится два года, чтобы Прасковья поняла, насколько же была неправа.

Но эти два года еще впереди, не станем опережать события, а поговорим лучше о том, каким же он был, этот молодой человек, который стал первым и последним камнем преткновения между двумя задушевными подругами.

Иван Николаевич Римский-Корсаков происходил из старинного польско-литовского рода Корсаков. Корсак – это степная лиса, поэтому пошучивания придворных насчет лис, которые прямоком проскользнули в царские палаты, относились именно к его фамилии. Прародитель нашего героя, Сигизмунд Корсак, еще в конце XIV столетия поступил на службу к московскому князю Василию Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского, однако в России уже был дворянский род Корсаковых, и, чтобы не случалось путаницы, гонористые шляхтичи в 1677 году получили от царя Федора Алексеевича разрешение прибавлять к своей фамилии еще одну – Римский, на том основании, что их-де родоначальник был подданным римского императора.

Но не древностью рода был Иван Римский-Корсаков ценен для своей повелительницы, а прежде всего – удивительной красотой, благодаря которой он получил от нее прозвище Пирра, царя Эпирского, знаменитого завоевателя Македонии. Конечно, люди здравомыслящие пожимали плечами, называли эту внезапно вспыхнувшую страсть простой прихотью... как, например, барон Мельхиор Гримм, постоянный корреспондент императрицы.

«Прихоть? – отвечала Екатерина возмущенно. – Знаете ли вы, что это выражение совершенно не подходит, когда говорят о Пирре, царе Эпирском, об этом предмете соблазна всех художников и отчаяния всех скульпторов? Восхищение, энтузиазм, а не прихоть возбуждают подобные образцовые творения природы! Произведения рук человеческих падают и разбиваются как идолы перед этим пером создания Творца... Никогда Пирр не делал ни одного неблагородного или неграциозного жеста или движения. Он ослепителен, как Солнце, и, как оно, разливает свой блеск вокруг себя. Но все это в общем не изнеженность, а, напротив, мужество, и он таков, каким вы хотели, чтобы он был. Одним словом, это – Пирр, царь Эпирский. Все в нем гармонично, нет ничего выделяющегося. Это – совокупность всего, что ни на есть драгоценного и прекрасного в природе; искусство – ничто в сравнении с ним; манерность от него за тысячу верст».

Неудивительно, что Екатерина упоминала об искусстве: Иван Римский-Корсаков был весьма одарен музыкально, имел прекрасный голос. В одном из писем Гримму она уверяла его, что он прослезился бы, услышав это пение, так же как он некогда прослезился, слушая итальянскую певицу Габриэлли...

Ну что ж, получив звание флигель-адъютанта, а затем прапорщика кавалергардов, что соответствовало армейскому генерал-майору, потом став камергером и генерал-адъютантом, Иван Римский-Корсаков увлекался отнюдь не военным делом, а тем, что пел сам, играл на скрипке да приглашал в русскую столицу первых артистов Италии, чтобы пели вместе с ним. У Алексея Орлова был в то время роман с Кориллой Олимпикой, знаменитой музыкантшей-импровизаторшей; она выступала вместе с фаворитом императрицы. Ему аккомпанировал сам Надини, известный французский скрипач... «Мы теперь всецело поглощены искусством, музыкой, науками, – писала Екатерина Гримму, – никогда я не встречала никого, столь способного наслаждаться гармоническими звуками, как Пирра, короля Эпирского...»

Ей очень хотелось представить Гримму своего возлюбленного как в самом деле уникальный образец природы (каким была и она сама!), как по-настоящему разностороннего человека, однако этот номер не удался. Корсаков вошел в историю одним своим ляпом, свидетельствующим о том, что интеллектуальное блаженство было ему глубоко чуждо. Екатерина выкупила у

Александра Васильчикова тот прекрасный особняк на Дворцовой набережной, который некогда ему подарила, и передарила «Пирру». Ну, разумеется, для особняка понадобилась обстановка. И первым делом – благое намерение! – хозяин решил завести у себя богатую библиотеку, подражая императрице и вообще всем просвещенным людям. Осмотрев особняк, Корсаков выбрал для библиотеки самый большой зал и пригласил известнейшего в Петербурге книгопродавца.

– Вот здесь будет библиотека, – широким жестом обвел он залу. – И я желал бы, чтобы все эти полки были как можно скорее заняты томами.

– Извольте же дать мне список тех книг, кои вы желаете, чтобы я привез вам, ваше превосходительство, – поклонился польщенный торговец.

– Список книг? – растерялся молодой человек. – Ну, это ваша забота, какие книги выбрать. Главное, чтобы все было как у ее величества: маленькие томики наверху, а большие – внизу.

Разумеется, эта просьба была немедленно выполнена. Счет за книги, как и положено, поступил в канцелярию императрицы... Корсаков своих денег не тратил, впрочем, что такое – свои деньги? От императрицы за два года своего фаворитства он получил около семисот двадцати тысяч рублей. Как говорится, жил – будто сыр в масле катался...

Как же ему завидовали!!!

А между тем чем дальше, тем менее счастливым он выглядел. Менее счастливым – и менее здоровым. И вскоре стало известно, что новый фаворит харкает кровью – у него слабые легкие...

Графиня Брюс, которая за это время отшлифовала, отточила и огранила свое мастерство притворщицы до невероятной, непредставимой степени, услышав про болезнь Ивана Римского-Корсакова, едва сама не захворала от страха. Теперь она смотрела на Ивана, едва сдерживая слезы (то есть когда была уверена, что сего не видит Екатерина, ну а если в этом уверена не была, то старалась на фаворита вовсе не глядеть, от греха подальше). Она была убеждена, что Римский-Корсаков на нее не обращает никакого внимания, но вот как-то раз они столкнулись на узкой лестничке, и Иван резко загородил ей дорогу:

– Что это вы, Прасковья Александровна, на меня так жалостно поглядываете? Уж не в первый раз примечаю! Погодите хоронить раньше времени, я еще и не помер, и вы с покровителем вашим будете слишком разочарованы!

– О чем это вы, сударь? – пробормотала Прасковья, жадно глядя в его лицо, которое казалось ей ослепительным, словно солнце.

– Ну как же! – хмыкнул Иван. – Слухи ходят, светлейший князь замену мне ищет. Чем уж я ему не потрафил, не знаю, а только задумал он другого возвести на ложе к государыне.

– Что за чепуха? – изумилась Прасковья. – Впервые слышу о таком.

– Неужто? – едко проговорил Римский-Корсаков. – Ну, стало быть, еще услышите. Без вас в таком деле не обойдется, сами знаете! Вы первая от всякого яблочка откусываете, а потом государыне передаете, чтоб дожевала.

Прасковья не поверила ушам. Что ж он говорит?! С ума сошел?! Это ж измена, такие речи вести! И она в ужасе оглянулась, не слышит ли кто.

– Чего озираетесь? – задиристо спросил ополоумевший фаворит. – Ищете, кого на подмогу кликнуть? Чтоб хватали меня под белы ручки да волокли на расправу? Небось с вас станется!

– Да вы, сударь... – начала заикаться Прасковья. – Да вы что?! Как вы смеете?! Я доносительствовать не приучена! И коли у вас в голове такие гнусности относительно меня, то не я эту кашу заваривала и слушать сие не намерена! Извольте пропустить меня. Не желаю я больше ни видеть вас, ни говорить с вами!

И она ринулась мимо, однако далеко не ушла: Римский-Корсаков вдруг схватил ее и прижал к себе.

– Бегаешь от меня? – пробормотал, задыхаясь. – Уже который год бегаешь? Куснула да выплюнула? Не по нраву пришелся? А я, может... а ты меня спросила? Думаете все, коли государыня, так сласть неземная? А мне, может, другой сласти надобно? Может, мне тебя отведавать охота снова? Может, я тебя забыть не могу? А ты... раззадорила – да поди вон, мальчишка? Но только я не мальчишка! И швыряться мной ты больше не будешь! Поняла? Не будешь!

С этими словами он наклонился – да и впился в ее губы.

А что было потом, Прасковья не помнила. Вроде бы они сначала целовались на этой лестничке, словно ошалелые, потом Иван ее куда-то поволок. Он все время бормотал что-то горячее, она ни слова не понимала, не слышала, так громко стучала кровь в висках, да она и не хотела ни понимать, ни слышать, знала только одно: вот он – в ее объятиях, вот она – в его объятиях... Как во снах, которых она столько видела-перевидела, что уж и устала просыпаться после этих снов в слезах, замученная своими несбыточными мечтами. Потом Прасковья обнаружила, что лежит на каком-то диванчике, а над ней наклоняется лицо Ивана, и юбки уже задраны и смяты, и голым телом она ощущает... ощущает... ах, Господи, да мыслимо ли это?! Не мерещится ли ей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.